

DOI 10.23859/2587-8344-2019-3-1-9

УДК 351.74:9.3

Реент Юрий Арсенович

Доктор исторических наук, профессор,
Академия ФСИН России
(Рязань, Россия)
reent2@yandex.ru

Reent Yuri

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia
(Ryazan, Russia)
reent2@yandex.ru

**Взаимоотношения полиции и общества:
исторический экскурс в начало XX века***

**The Relationship of the Police and Society:
A Historical Excursion into the Beginning of the 20th Century**

Аннотация. В статье прослеживаются основные закономерности отношений представителей российского общества с полицией в целом, а также формы профессионального воздействия служащих полиции, жандармов и охранных отделений на разные слои населения. Повышение социальной активности общества в условиях революции 1905–1907 гг. и Первой мировой войны во многом скорректировало фокус внимания полиции. Однако это не всегда помогало ее представителям осознать причины изменения характера преступности, найти действенные меры по ее пресечению. Полиция не могла, да и не должна была, оказывать активное воздействие на оздоровление социально-политического положения в стране. Это была прерогатива императора и его правительства, а зарождавшееся гражданское общество еще не обрело действенных рычагов воздействия.

* Для цитирования: *Реент Ю.А.* Взаимоотношения полиции и общества: исторический экскурс в начало XX века // *Historia Provinciae – Журнал региональной истории.* 2019. Т. 3. № 1. С. 397–429. DOI: 10.23859/2587-8344-2019-3-1-9

For citation: Reent, Yu. “The Relationship of the Police and Society: A Historical Excursion into the Beginning of the 20th Century”. *Historia Provinciae – The Journal of Regional History*, vol. 3, no.1 (2019): 397–429, <http://doi.org/10.23859/2587-8344-2019-3-1-9>

© Реент Ю.А., 2019

© Reent Yu., 2019

Ключевые слова: Российская империя, власть, общество, личность, полиция, жандармы, охранные отделения, правоохранительная деятельность.

Abstract: The article traces the main regularities of relations between representatives of the Russian society and the police overall, as well as the forms of professional influence of police officers, gendarmes and security departments on the different segments of population. The increase of society commitment under the conditions of the revolution of 1905–07 and World War I largely changed the focus of attention on part of the police. However, this did not always help its representatives to realize the causes for changes in the nature of crimes and to find effective measures to curb the criminality. The police could not and should not have brought to bear the active influence on the improvement of the socio-political situation in the country. It was the prerogative of the emperor and his government, where the nascent civil society had not gained effective leverage yet.

Keywords: The Russian Empire, power, society, person, police, gendarmes, security departments, law enforcement

Введение

Как отмечают современные исследователи, практически с момента формирования полицейско-правовой теории вопросы взаимоотношений власти, общества и личности являлись центральными при определении функций полиции и сущности ее деятельности. Поскольку средствами принуждения легко можно нарушить права граждан, то многие российские ученые-полицисты оценивали их лишь как крайнее средство из арсенала полиции, да и в целом администрации. На наш взгляд, проблемы определения роли полиции в использовании мер принуждения, которые являются основополагающими во взаимоотношениях власти, общества и личности, в последней трети XIX – начале XX вв. получили достаточное развитие в исследованиях российских ученых Н.Н. Белявского, В.Ф. Левитского, А.Е. Назимова, А.С. Окольского, М.Н. Палибина, Я.С. Степанова, О.О. Эйхельмана, И.И. Янжула и других¹. Традиция была продолжена в

¹ *Белявский Н.Н.* Полицейское право. Конспект лекций Н.Н. Белявского, профессора Юрьевского университета. Юрьев: Типография К. Маттисена, 1904; *Левитский В.Ф.* Лекции по полицейскому праву, читанные в 1901/1902 учебном году. Харьков: Типо-литография С. Иванченко, 1902; *Назимов А.Е.* Лекции по полицейскому праву, читанные профессором А.Е. Назимовым в Новороссийском университете / под ред. Б.Ф. Лемеша-Лемешинского. Одесса: Типография и хромо-литография А.Ф. Соколовского, 1903; *Окольский А.С.* О понятии полицейского права // Варшавские университетские известия. 1894. Т. VI. С. 1–22; *Палибин М.Н.* Повторительный курс полицейского права. СПб.: Н.К. Мартынов, 1900; *Степанов Я.С.* Первые два периода самостоятельного существования науки о полиции в Германии: исследование, написанное для получения степени доктора полицейского права Я. Степановым. Казань: Университетская типография, 1869; *Эйхельман О.О.* Русское полицейское право. Конспект лекций, читанных студентам юридического факультета Университета Св. Владимира в 1898–99 академическом году профессором О.О. Эйхельманом. Киев: Типография газеты «Киевское слово», 1898; *Янжул И.И.* Полицейское право. Курс ординарного профес-

наши дни. Опираясь на изыскания профессора Императорского Московского университета И.Т. Тарасова², современная исследовательница, профессор Н.С. Нижник полагает, что важнейшей характеристикой отношений государства и общества было полицейское принуждение, «выступавшее как основание разделения исполнительной власти на администрацию, которой присуща положительная деятельность (деятельность по управлению промышленностью, торговлей, финансами, народным образованием и т. д.) и полицию, которой присуща отрицательная деятельность (деятельность, связанная с принуждением)»³. Схожую позицию высказывают и зарубежные специалисты⁴.

В современных социально-правовых исследованиях термин «общество» все чаще подменяется «гражданским обществом», хотя его четкого определения, на наш взгляд, так и не прозвучало. Мы регулярно слышим о важности конструктивного диалога между государством и гражданским обществом, но, как отмечает В.А. Рудковский, одновременно «также настойчиво ставится задача формирования гражданского общества в нашей стране, то есть гражданское общество вроде бы есть, и с ним надо сотрудничать, но одновременно его только предстоит создать»⁵. И здесь взгляды расходятся. Так, В.С. Нерсесянц оценивает гражданское общество в форме неполитического сообщества частных лиц⁶. Косвенно поддерживая его, Е.А. Лукашева полагает нормой «дистанцирование» гражданского общества от государства, в то время как Т.А. Алексеева настаивает на том, что следует их не противопоставлять, а напротив – интегрировать⁷.

сора И.И. Янжула: 1885/1886 г. М.: Литография Зеленкова, 1886.

² Тарасов И.Т. Очерк науки полицейского права. Пособие для слушания лекций и для приготовления к экзамену. М.: Товарищество «Печатня С.П. Яковлева», 1897. С. 115.

³ Нижник Н.С. Взаимоотношения власти, общества и личности как предмет полицейско-правовой теории // Российская полиция: три века служения Отечеству [Электронный ресурс]: материалы юбилейной международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции. Санкт-Петербург, 23–25 апреля 2018 г. / под ред. Н.С. Нижник. Электронные дан. (19,6 Мб). СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. С. 242.

⁴ Iturralde Blanco I. Policías comunitarias del distrito Mixe: entre la resistencia y la oficialidad // I Congreso Internacional “Pueblos indígenas de América Latina, siglos XIX–XXI”. Оахака, 2013. P. 123; Raeff M. Russia’s Autocracy and Paradoxes of Modernization // Political Ideas and Institutions of Imperial Russia. Boulder, Colorado: Westview Press, 1994. P. 116–124.

⁵ Право как ценность и средство государственного управления обществом: сборник научных трудов / под ред. П.В. Анисимова и В.А. Рудковского. Вып. 8. Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2011. С. 167.

⁶ Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. С. 285.

⁷ Серегин Н.С., Шульгин Н.Н. Гражданское общество, правовое государство и право («Круглый стол» журналов «Государство и право» и «Вопросы философии») // Государство и право. 2002. № 1. С. 22–23.

Для однозначного восприятия используемых дефиниций представляется целесообразным уточнить, что в данном кратком исследовании под термином «общество» понимается не только совокупность индивидов, постоянно проживавших в государстве, но и действовавшая система политических партий и общественных организаций в существовавших социально-экономических условиях, на конкретном этапе развития этого государства. Следует признать, что сложившиеся отношения внутри полицейского ведомства, как и личностные взаимосвязи между сотрудниками силовых, да и в целом государственных структур, также являются составной частью общественных отношений. Поскольку каждая из таких социальных групп нередко имеет собственную ярко выраженную специфику, в рамках небольшой статьи возможно ограничиться лишь общим обзором, отражающим наиболее устоявшиеся тенденции.

Исходя из этого, мы априори будем учитывать наличие в монархической Российской империи начала XX века значительной дифференциации социальных групп по образовательному, имущественному, профессиональному, национальным и сословным признакам. Однако детальное их рассмотрение возможно только в рамках гораздо более обширного исследования. Здесь же следует ограничиться оценкой наиболее характерных особенностей взаимоотношений общества и полиции. Безусловно, было бы ошибкой выводить полицейских служащих за рамки членов общества. Следовательно, представление линейных схем одноуровневых взаимоотношений способно раскрыть лишь наиболее общие характеристики системы. В целом же проблема заслуживает внимания исследователей не только в рамках Отечественной истории, истории государства и права, но и целого ряда прикладных научных дисциплин.

Основная часть

Полиция не сразу стала государственным институтом, поскольку «именно гражданское общество, а не государство изначально сформировало функции и задачи»⁸, стоящие перед ней. Расходясь с основоположниками марксизма по ряду позиций, все же трудно не согласиться с ними в том, что «связующей силой цивилизованного общества служит государство»⁹. Характеризуя его роль в социально-политических условиях начала XX столетия, можно признать, что государство было нацелено на обслуживание интересов господствующих клас-

⁸ Семенова О.В. Гражданское общество и государство: специфика взаимосвязи и взаимодействия // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции): Материалы международной научно-теоретической конференции. Т. I. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2016. С. 136.

⁹ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 21. М.: Издательство политической литературы, 1961. С. 175.

сов, для остального же населения оно представляло собой механизм для подавления «угнетенного, эксплуатируемого класса»¹⁰.

Так, конкретизируя эту тему, Ф. Энгельс утверждал: «Самый жалкий полицейский служащий цивилизованного государства имеет больше «авторитета», чем все органы родового общества, вместе взятые; но самый могущественный монарх и крупнейший государственный деятель или полководец эпохи цивилизации мог бы позавидовать тому не из-под палки приобретенному и бесспорному уважению, которое оказывают самому незначительному родовому старейшине»¹¹. Таким образом, пусть и косвенно, эта фраза определяет место полицейского в иерархии государственных служащих почти на самом социальном дне. Тем не менее, он все же обладал реальной силой, властью и авторитетом, которые гарантировала его служба на благо государства.

Социальный статус служащих полиции накладывал отпечаток на выбор супругов. В исследовании Джонатана Дэйли отмечается, что около половины офицеров Московского губернского жандармского управления выбрали жен из семей личных дворян, около четверти – из семей потомственных дворян, 17 % – из зажиточных купцов, остальные из семей священнослужителей и разночинцев¹². То есть, простолюдины в их семейный круг не допускались. Иная картина предстает в отношении чинов общей полиции. Как сами, так и их «дамы сердца», нередко происходили из числа мещан, крестьян и наемных работников. Это накладывало двойной отпечаток на отношения с представителями общества. С одной стороны, «пуповина», связывавшая их с простолюдинами, еще давала о себе знать. С другой стороны, нередко именно эти люди становились самыми жестокими экзекуторами по отношению к тем слоям населения, из которых они вышли.

В широких народных массах настороженное отношение к представителям полицейской власти, особенно из низового ее звена, издавна формировалось с детства. Далеко не всегда это носило злой умысел или делалось осознанно. Даже сегодня нередко капризного ребенка традиционно пугают тем, что отдадут его «дяде полицейскому». В условиях начала прошлого века сложилась ситуация, отмечаемая в журнальных публикациях: «Для подрастающих буянов нет злейшего врага, чем полицейский, который постоянно препятствует их забавам и развлечениям, хотя бы последние были не безопасны и неприятны для других лиц»¹³. Доказано, что яркие детские впечатления опосредованно переносятся на мысли и действия зрелого человека. Таким образом, целая гамма впечатлений,

¹⁰ Энгельс Ф. Происхождение семьи... М., 1961. С. 176.

¹¹ Энгельс Ф. Происхождение семьи... М., 1961. С. 171.

¹² Daly J.W. Autocracy under siege: Security police and opposition in Russia, 1866–1905. Dekalb: Northern Illinois University Press, 1998. P. 55.

¹³ Вестник полиции. 1907. № 3. С. 9.

нередко ассоциируемых со страхом или обидой, аккумулируется и сохраняется долгое время.

Не секрет, что уровень доходов во многом определяет характер отношений человека с его окружением. В этом плане полиции похвастать было нечем. Даже оппозиционно настроенные к власти журналисты отмечали, что допускаемые в адрес полиции насмешки и грубость возможны по причине того, что большинству неведомы условия, в которых она осуществляет свою деятельность. Для многих стало откровением, что уровень жизни нижних полицейских чинов соответствовал наименее обеспеченным гражданам¹⁴. Даже в столице из-за низкого денежного довольствия городских «постоянно ощущался недостаток в их количестве»¹⁵.

Ускоренное развитие общественных отношений в Российской империи начала XX в. было вызвано изменением системы экономических и социальных отношений. Это порождало целый комплекс вопросов, связанных с реорганизацией деятельности полиции. Особую актуальность они обрели в связи с ростом социально-политической активности населения, переходом общества к индустриальному типу развития. Все это заставляло задуматься о направлениях и перспективах реформирования правоохранительной деятельности в целом, но инерция при принятии решений по-прежнему была велика.

Очевидно, если работа оплачивается плохо, вызывает среди граждан негативную реакцию, а вдобавок еще предполагает высокие физические и моральные нагрузки, то желающих ее выполнять найдется не столь уж много. Подтверждалось это и практикой, и оценками представителей общественности¹⁶. Как отмечало руководство столичного полицейского сыска, нижние слои этого ведомства обычно воспринимались как грубые, плохо образованные и невоспитанные люди¹⁷. Московский градоначальник А.А. Рейнбот был уверен, что и его подчиненные «не имели равно никакой предварительной подготовки, так как резерв существовал лишь номинально и в нем ровно ничему не учили... Самый состав городских был совершенно неудовлетворителен»¹⁸. Положение провинциальных учреждений было и вовсе печальным.

¹⁴ См.: Полиция и хулиганство // Голос Севера. Архангельск. 1906. 20 сентября.

¹⁵ Кузьмин А.А. Трудовая повседневность нижних чинов полиции Санкт-Петербурга в конце XIX – начале XX века // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. URL: <http://www.vestospu.ru>. 2016. № 3 (19). С. 99. (дата обращения: 15.09.2018).

¹⁶ Полиция и хулиганство // Голос Севера. Архангельск. 1906. 20 сентября.

¹⁷ См.: Путилин И.Д. Записки начальника Санкт-Петербургского сыска. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. С. 327.

¹⁸ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1363. Оп. 10. Д. 145. Л. 2.

Добиться реальных позитивных результатов удавалось лишь благодаря инициативе отдельных руководителей, которые сумели подключить усилия местной общественности. Например, получили распространение акции по сбору пожертвований на нужды раненых или погибших чинов полиции. В частности, все же находились обеспеченные граждане, такие как князь Голицын^{*}, предприниматели Колесников, Дерюжинский, которые регулярно выделяли весьма значительные денежные суммы «для содержания приюта престарелых и увечных низших чинов полиции»¹⁹.

Лица среднего и старшего начальствующего состава обычно имели возможность обеспечить себя самостоятельно. Однако достигалось это не всегда вполне законно. Коррупция распространялась повсеместно, качество исполнения полицейскими чинами служебных обязанностей снижалось: «большинство владельцев торговых и питейных заведений, трактиров и т. д. не видели в подношениях полицейским ничего криминального. В их глазах это считалось нормальной традицией, освященной веками – "как наши отцы давали и как после нас будут давать..."»²⁰.

С этим боролись, но без четкой системы, лишь в форме отдельных кампаний. В итоге и результаты были неоднозначными. Например, в Москве к началу Первой русской революции произошла волна увольнений полицейских руководителей. Так, генерал-майор барон А.Р. Будберг, будучи помощником градоначальника, не удержался на должности вовсе не потому, что «пользовался крайней нелюбовью жителей за грубость», а из-за крайних проявлений «материальной некорректности»²¹. По тем же причинам отправили в отставку еще двух полицмейстеров, а полковника Аршева прямо уволили за мздоимство.

Есть свидетельства, что практика использования служебного положения в личных интересах затронула и высший руководящий состав полиции. Считается, что «П.Н. Дурново был освобожден от должности директора Департамента полиции по причине использования им секретной агентуры в целях наблюдения за любовницей. Для подтверждения факта ее измены подручный сановника выкрал любовную переписку из бразильского посольства. По словам К.Д. Кафафова ходили упорные слухи, что, оставляя свой пост, П.Н. Дурново прихватил с собой 75 тыс. рублей, предназначенных на тайную агентуру. Тем не менее, позже он был назначен министром внутренних дел. После освобождения от

* Автор статьи не указывает, какой именно из князей Голицыных имеется в виду (примечание *ред.*).

¹⁹ РГИА. Ф. 1363. Оп. 10. Д. 137. Л. 1–34.

²⁰ Кузьмин А.А. Трудовая повседневность нижних чинов полиции ... С. 99.

²¹ РГИА. Ф. 1363. Оп. 10. Д. 145. Л. 1, 6.

этой должности из служебной квартиры им была увезена казенная мебель»²². Поскольку громкий скандал был бы на руку недоброжелателям полиции, его наказывать не стали, а напротив, подкрепили материально солидным выходным пособием.

Обыденная жизнь подтверждала, что «в обществе выработался особый неправильный взгляд на функции органов полиции, доходивший до антагонизма и полного презрения к полиции. При столкновении чинов полиции с преступниками... население зачастую идет на помощь преступникам или, в лучшем случае, остается равнодушным...»²³ Впрочем, и сегодня нередким является такое обстоятельство, когда закоренелый правонарушитель, от которого полицию просят оградить общество, попав в места лишения свободы, становится в глазах некоторых сограждан униженным и оскорбленным, заслуживающим милосердия больше, чем люди, пострадавшие от его действий. Этот парадокс в большей степени характерен для российского общества, нежели для западноевропейского, американского или азиатского.

В отношениях населения с чинами политической полиции прослеживалась собственная специфика, которую нельзя характеризовать однозначно²⁴. Во внешних проявлениях к ее представителям чаще фиксировались знаки внимания и уважения, но нередко причиной их был едва скрываемый страх. Подчеркнуто безупречный имидж жандармских офицеров, тем не менее, зачастую предполагал умело скрываемые негативные человеческие качества. Основанием столь нелестных ожиданий были используемые ими формы работы: поощрение доноительства, перлюстрация, наказание невиновных, провокация... «Всё, решительно всё было подвластно неусыпному оку охранки: и кооперативы, и школы, и театры, и попечительства о бедных, и Государственная Дума, печать, земство, труд и безделие»²⁵. На значительную часть сограждан подобная ситуация оказывала раздражающее и отталкивающее воздействие.

Тем не менее, не стоит негативные стороны работы «охранки» и жандармов возводить в абсолют. Выдавать их за каких-то аморальных монстров более всего были заинтересованы лица, действительно представлявшие серьезную угрозу для государства и общества. Коллеги же оценивали их совершенно иначе. Так, по мнению В.И. Гурко (товарищ министра внутренних дел в 1906 г.), только благодаря беспощадному преследованию революционеров глава МВД

²² Цитируется по: *Реент Ю.А.* Полицейская система Российской империи начала XX века (1900–1917 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Московский государственный университет им. М. Ломоносова, 2002. С. 325.

²³ *История органов внутренних дел дореволюционной России.* М.: Политиздат, 1984. С. 78.

²⁴ *La Porte M.* Histoire del'okhrana: La police secrete des tsars. 1880–1917. Paris: Payot, 1935. 312 p.

²⁵ *Ирецкий В.Я.* Охранка. Страница русской истории. Пг.: Новая Россия, 1917. С. 3–4.

П.Н. Дурново остановил произвол и восстановил в стране порядок²⁶, а С.Е. Крыжановский (товарищ министра внутренних дел с 1906 по 1911 гг.) вообще был уверен, что Петру Николаевичу удалось спасти Россию от очередной революции²⁷.

Недаром говорят: сколько людей – столько характеров и мнений. В значительной мере на взаимоотношения населения со служащими полиции накладывали отпечаток их личностные характеристики. Нередко они носили негативную окраску. Следует понимать, что во многом это предопределялось условиями службы полицейских чинов. Уровень криминализации общества существенно возрастал, что осложняло характер индивидуальных взаимосвязей граждан и служащих правоохранительной системы в целом. Вырисовывались и общие тенденции. Будучи идейным противником существовавшей государственно-политической системы, В.И. Ленин особо заострял внимание на том, что «противозаконное и дикое битие в полиции происходит в Российской Империи – без преувеличения можно сказать – ежедневно, ежечасно. А до суда доходит оно в совершенно исключительных и крайне редких случаях..., ибо преступником является та самая полиция, которой вверено в России раскрытие преступлений»²⁸.

Очевидно, что «закрывать глаза» на факты, высказанные им, противоречило бы истине и морали. Представим, как должны были оценить граждане инцидент, имевший место в Пятигорске в 1906 г. Многолюдная траурная процессия вышла после похорон с кладбища, а казаки приняли их за демонстрантов и стали избивать прикладами²⁹. Похожая история произошла и в столице. 18 марта 1915 г. в управу Санкт-Петербургской полиции сообщили о начавшейся манифестации студентов. Ротмистр конной полиции Депп не стал вникать в детали, а телами коней, мчавшихся полным галопом, стал давить толпу³⁰. Манифестантов сбили с ног, часть из них получила ранения. Уже в ходе расследования оказалось, что народ, вдохновленный патриотическими чувствами, собрался выступить с верноподданническими лозунгами по поводу войны против Австро-Венгрии. Или еще факт. Жандармский унтер-офицер на станции Орехово Московской железной дороги арестовал гражданина, который, как показалось офицеру, пререкался с ним. Позже выяснилось, что жандарм был пьян, а аресто-

²⁶ *Gurko V.I. Features and Figures of the Past: Government and Opinion in the Reign of Nicholas II. Stanford: Stanford University Press; London: Oxford University Press, 1939. P. 7.*

²⁷ Воспоминания: из бумаг С.Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи / подг. текст А.В. Лихоманов. СПб.: Российская национальная библиотека, 2009. С. 87.

²⁸ *Ленин В.И. Бей, но не до смерти // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 4. М.: Издательство политической литературы, 1967. С. 412–413.*

²⁹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 349. Л. 1.

³⁰ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 270. Оп. 1. Д. 46. Л. 22–23.

ванный гражданин оказался исполняющим свои обязанности стрелочником³¹. Лишь по счастливой случайности не произошло крушения поезда.

В представлении обывателей полицейское руководство зачастую стояло как бы над подобными просчетами и злоупотреблениями, будучи причастным к тому лишь косвенно. Но так было далеко не всегда. Приведем воспоминания о полковнике Модле, занимавшем должность помощника московского градоначальника. Традиционно грубое, а порой даже жестокое, обращение этого полицейского офицера с горожанами породило к нему откровенную неприязнь. В качестве примера описываются события, связанные с торжественным открытием памятника генералу М.Д. Скобелеву в 1912 году. После отъезда официальных лиц помощник градоначальника громко скомандовал конным городовым: «Гони эту сволочь, а то она разворует венки»³². Конные грубо вытеснили присутствовавших с площади. Очевидно, что любви населения к полиции это не добавило. В Ялте, в феврале 1907 г., генерал Думбадзе после попытки покушения на него, сжег дом, откуда прозвучал выстрел, вместе со всем имуществом его обитателей³³. В Тифлисе, в октябре 1905 г., из окна дворянской гимназии неизвестный бросил бомбу в полицмейстера. Казаки с полицией, ворвавшись в здание, начали форменную расправу. Людей избивали, нескольких работников гимназии ранили, а одного застрелили. Уточним, что к теракту эти люди никакого отношения не имели³⁴. Возможно, эти действия были допущены по недомыслию или в состоянии аффекта, но в памяти людей остался тяжелый след.

Неудивительно, что и население свое недовольство условиями жизни нередко изливало на «попавших под руку» чинов полиции. Следует отметить, что в отношениях населения к ним наблюдались очевидные контрасты. В ряде случаев активно признавалась их польза и необходимость для общества. Но нередко характер этих отношений и оценок серьезно видоизменялся, в том числе по самым пустяковым поводам. В качестве примера приведем событие, описываемое в циркуляре Департамента полиции № 48538 от 22 июля 1913 г. В дни работы Нижегородской ярмарки, в мае 1913 г., группа нетрезвых мужиков начала беспорядки. Причиной послужило распоряжение о закрытии питейных заведений и винных лавок. Зачинателя беспорядков арестовали, что привело к массовому нападению на полицейских. Арестованного освободили силой. Урядники, пытаясь отбиться от толпы, стреляли в воздух, но обстановка только накалялась. Лишь ранив трех человек, удалось взять обстановку под контроль.

³¹ Государственный архив Нижегородской области (ГАНО). Ф. 926. Оп. 1. Д. 59. Л. 19.

³² ГАРФ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 129. Л. 2.

³³ См.: Иван Антонович Думбадзе. URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_d/dumbadze_ia.php (дата обращения: 16.06.2018).

³⁴ ГАРФ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 351. Л. 2.

Содержавшиеся в циркуляре выводы сводились к тому, что полиции так поступать недопустимо. А как же должно? Личный состав подвергли резкой критике не за жесткое обращение с населением. Напротив, чинов полиции предупредили, что требуется не «бежать от толпы», а стрелять в нападавших на поражение. Тех же, кто это не уяснит, обещали уволить³⁵. На наш взгляд, хулиганы обязательно должны были привлекаться к ответственности. Но расстреливать их без суда и следствия? По меньшей мере, спорная позиция.

Не исключено, что причиной столь жестких требований было понимание того, что в обществе явно не любят полицию. Однако отвечать злом на зло — лишь усиливать взаимную неприязнь. Тогда как же полиция должна была относиться к населению? Можно предложить немало поведенческих схем, но остановимся на двух. В первую очередь, следовало бы действовать на основании требований законов, инструкций и других нормативных актов. Лишь в случаях непредвиденных обстоятельств могли допускаться индивидуальные подходы. Важно заметить, что эти варианты зачастую взаимоисключали друг друга.

Первая модель отношения полицейских служащих к населению была ожидаемой, предполагала нормативное поведение, которое представлялось идеализируемым, а значит, не всегда реализуемым на практике. Обсуждение фиксированных поведенческих схем чинов полиции с гражданами и общественными организациями велось как в центре, так и на местах. Стражи правопорядка обязывались «относиться к заподозренным и ко всем вообще лицам... спокойно, вежливо и терпеливо, отнюдь не позволяя себе... прибегать к каким-либо насильственным действиям или угрозам для получения сознания или нужных сведений»³⁶.

Многие полицейские служащие не только сами понимали важность собственного примерного поведения в общественных местах, но и старались распространить такое понимание на окружающих. Так, простой рязанский капитан-исправник наставлял подчиненных и представителей общественности, утверждая, что любой гражданин в отношениях с ними «должен слышать здоровый уверенный голос от близко стоящих от него властей, с которыми он живет и которым он привык верить. Местной власти необходимо следует встать близко, говорить с ним при всяких случаях и на сходах...»³⁷. В свою очередь, Нижегородский губернатор А.Ф. Гирс особо отмечал, что «полиция должна быть спра-

³⁵ ГАНО. Ф. 342. Оп. 1. Д. 4170. Л. 32.

³⁶ Цит. по: *Петров А.В., Девятков В.Ю.* Полиция и общество в Российской империи начала XX века // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2011. № 40. С. 23.

³⁷ *Перов И.Ф., Кузнецов М.В.* Полиция Рязанской губернии. Рязань: Узорочье, 2002. С. 173.

ведлива и закономерна ибо, допуская произвол..., она явилась бы сама виновницей неизбежного в этом случае недовольства»³⁸.

Однако высказываемые пожелания должны подкрепляться надлежащими условиями и фактическими действиями. Для этого, как минимум, должна проводиться целенаправленная воспитательная и профессионально-ориентированная работа с кадрами, а это направление, как уже отмечалось, в органах полиции было ослаблено. На наш взгляд, положительную роль сыграло издание в 1915 году «Букваря современного городского». Он включал 60 подразделов, каждый из которых информировал читателей о необходимом порядке и характере действий полиции в разных бытовых и служебных ситуациях. Основную часть рекомендаций можно отнести к области правильных взаимоотношений между полицией и населением.

В научной литературе имеются примеры анализа содержания этого документа. В части, касающейся поведенческих норм, отмечается много полезного и актуального для сегодняшнего дня. Так, статья 27.2 обязывала городских «вежливо и почтительно относиться к публике, стараясь как можно точнее и определеннее ответить на все вопросы, изъявляя всегда готовность оказать законное содействие»³⁹. В статье 41 шла речь о предварительном дознании и составлении протоколов. При расследовании происшествий и преступлений показания всех свидетелей и участников предписывалось выслушивать внимательно и доброжелательно. Свидетелей и зрителей не рекомендовалось задерживать – «это отобьет охоту содействовать полиции...». Немало было и других полезных рекомендаций. Общая же тональность документа сводилась к тому, что на любом служащем управления «лежит ответственность за честь полицейского мундира и за законность полицейских действий»⁴⁰.

Вторая модель отношения полицейских служащих к населению была более жизненна. Зависела она от разных обстоятельств, но в наибольшей мере от того, к какой части общества принадлежал тот или иной гражданин. Социальная стратификация всегда влияла на характер деятельности правоохранительных структур, а в условиях Российской империи в особенности. Впрочем, с сильными мира сего полиция чаще всего проявляла поведение, предусмотренное нормативно-правовыми документами. Желание угодить исходило не столько от служебного рвения, сколько от осознания собственной, пусть и не явно выраженной, зависимости от них.

³⁸ Журнал совещания уездных исправников Нижегородской губернии по вопросам полицейской службы. Н. Новгород: Типография губернского правления, 1916. С. 2.

³⁹ Цитируется по: *Кукушкин В.М.* Твоя профессиональная этика. М.: Кодекс: Объединенная редакция МВД РФ, 1994. С. 21.

⁴⁰ Цитируется по: *Реент Ю.А.* Полицейская система Российской империи... С. 331.

Однако не следует полагать, что карательные полномочия полиции затрагивали только простой люд. В вопросах выявления политической благонадежности исключений не делали никому. В качестве примера можно рассмотреть организацию перлюстрации, то есть тайного ознакомления с содержанием частной переписки. В частности, в 1913 году Департамент полиции следил за корреспонденцией депутатов от РСДРП IV Государственной Думы Петровского, Тулякова, Хаустова, Шагова, Манькова, Муранова, Малиновского⁴¹. Формально это было противоправное действие, но фактически от перлюстрации были ограждены только царская семья и министр внутренних дел. В секретной отчетности Департамента полиции зафиксировано порядка 380 тыс. вскрываемых ежегодно писем⁴². Представители запрещенных политических формирований, подозревая наблюдение за собой, активно использовали шифрование. Полиция, в свою очередь, выявляя участников таких групп, пыталась «кнутом и пряником» выведать у них всю необходимую информацию.

Служащие полиции вынуждены были достаточно часто общаться с наименее достойными представителями общества. В значительной степени это отражалось на их мировоззрении и поведении. Нередко происходили нравственные деформации или то, что называют профессиональным «выгоранием». Наиболее опасным последствием этого является потеря нравственных ориентиров, необходимых в работе. Сначала это может проявляться в создании непредусмотренных законами послаблений, бытовых привилегий. Так, например, случилось со служащим жандармского полицейского управления на железной дороге, который принял от пассажира заявление о пропаже багажа, но далее просто поленился произвести опрос свидетелей, как и иные следственные действия. Так это дело и было бы традиционно «спущено на тормозах», если бы потерпевший не обратился за помощью к вышестоящему руководству⁴³. В качестве другого примера можно рассмотреть поведение помощника начальника Калужского жандармского управления ротмистра Будогосова. При переезде на новое место службы он захватил с собой личного повара, которого сразу же оформил на должность филера, с соответствующей оплатой несоответствующего труда⁴⁴.

Предшествующий материал в основе своей посвящен оценке взаимоотношений полиции с относительно законопослушной частью населения. Иные схемы взаимного поведения складывались с представителями криминального мира. Не только заштатные города, но даже Петербург и Москва преступниками были поделены на сферы влияния. Их борьба за лидерство негативно, а по-

⁴¹ *Перегудова З.И.* Политический сыск России (1880–1917 гг.). М.: РОССПЭН, 2000. С. 284.

⁴² *Перегудова З.И.* Политический сыск России... С. 279.

⁴³ ГАНО. Ф. 996. Оп. 1. Д. 59. Л. 13.

⁴⁴ ГАРФ. Ф. 280. Оп. 3. Д. 5057. Л. 6.

рой и трагически, отражалась на простых обывателях. К чести полицейских структур все же следует отметить, что именно они в конечном итоге становились безоговорочными победителями, а бандитов ждала тюрьма или каторга. Но без давления со стороны руководства, как казалось современникам, служащие полиции, работавшие «на земле», все же старались не проявлять особого рвения⁴⁵.

Не стоит забывать и о такой разновидности отношения граждан к полиции как использование ее служащих не по прямому назначению, а для того, чтобы «насолить» своим соседям, сослуживцам, продемонстрировать свое влияние и т.п. Значительной частью непродуктивной работы полиции, особенно политической, был разбор заявлений, содержащих оговоры. Зачастую чины, производившие дознание, быстро осознавали, что ведут разработку дел на невиновных граждан, но и прекратить их только по собственному усмотрению не допускалось. По факту много времени, сил и средств полиция тратила на бесполезные и даже вредные расследования, тогда как реально важные правоохранительные мероприятия оставались незавершенными⁴⁶.

Пытаясь отрегулировать данный вопрос, Департамент полиции в одном из своих циркуляров был вынужден официально рекомендовать, «когда факты преступления ничем кроме оговора не подтверждаются или вообще при сомнении в действительности указываемых обстоятельств... проверять негласным путем основательность обвинения»⁴⁷ и лишь после этого решать, стоит ли начинать дознание. Любопытно, что ложные обвинения нередко делались и в отношении самих полицейских служащих⁴⁸. К сожалению, небезосновательно напрашивается мысль, что вирусы криминального бунта и гражданской войны в обществе неистребимы. Полиция призвана не допускать благоприятных для них условий, ее неизменная цель – защитить общество от губительных последствий.

Заключение

Охраняя государство и высшие слои общества от простого народа, служащие полиции ощущали недоверие и нелюбовь и в той, и в другой среде. Представители высших сословий считали ниже своего достоинства без надобности общаться с ними. Что же касается людей попроще, то они не хотели простить служащих полиции за службу общим угнетателям, а еще более – за злоупотреб-

⁴⁵ Гиляровский В. Москва и москвичи. М.: Художественная литература, 1981. С. 18.

⁴⁶ Ruud Ch., Stepanov S. Fontanka, 16. The Tsar's secret police. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2002. 108 p.

⁴⁷ Савицкий С.В. Систематический сборник циркуляров Департамента полиции и Штаба Отдельного корпуса жандармов, относящихся к обязанностям чинов Корпуса по производству дознаний. СПб.: Типография Штаба Отдельного корпуса жандармов, 1908. С. 27.

⁴⁸ См.: ГАРФ. Ф. 280. Оп. 1. Д. 3061. Л. 26.

ления и личные притеснения. Отдельного внимания заслуживает феномен взаимоотношений общества и политической полиции, который широко обсуждался даже за пределами России как на страницах газет⁴⁹, так и в серьезных публицистических изданиях⁵⁰. Борьба с преступлениями оценивалась всеми в качестве необходимого элемента деятельности. Обоснованность же борьбы с народом, с теми, кто пытался привить европейские стандарты социальных отношений, была сомнительна. В свою очередь, в большинстве регионов именно это способствовало отказу личного состава полиции от активного противодействия решению Временного правительства полностью ликвидировать старую полицейскую машину.

В целом можно констатировать, что сегодня взаимоотношения полиции и общества включают в себя как традиционно сохранившиеся формы, так и новые, порождаемые эволюционным развитием человечества. В том и другом случае имеют место и сильные стороны и явные ошибки, злоупотребления. Со времени описываемых в статье событий минул век, однако коррупция, принудительные механизмы обеспечения власти, характеристики социально-экономической нестабильности во многом видоизменились, но не исчезли, а возможно, в процессе глобализации, даже возросли.

Но если ранее, как отмечают исследователи, важнейшим предназначением полиции была «правоохранительная деятельность, предполагающая борьбу с преступностью и оперативное реагирование на складывающуюся в обществе ситуацию в этой сфере и на действия отдельных преступников», то происходящие сегодня изменения качественных характеристик государства и общества предполагают переориентацию «в деятельности полиции от контроля действий граждан к обслуживанию их запросов... Так повышается доверие граждан к полиции и легитимность власти в целом»⁵¹. Другими словами, работа полиции в равной мере должна согласовываться с потребностями не только управляющих политических структур, но и общества, основываясь на принципе минимально-

⁴⁹ *Encore la Police Russe // Le Matin. Paris, 1913. 29 juin; Police et contre-police russes // Le Matin. Paris, 1913. 1 juil; Zuffa tra italiani per stranieri relazione: sulla polizia segreta russe // Corriere della sera. Roma, 1913. 29 giun.*

⁵⁰ *Gurko V.I. Features and Figures of the Past: Government and Opinion in the Reign of Nicholas II. Stanford: Stanford University Press; London: Oxford University Press, 1939; Riha Th. A Russian European: Paul Miliukov in Russian Politics. London; Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1969; Vassilyev A.T. The Okhrana: The Russian Secret Police. London: J. B. Lippincott Company, 1930.*

⁵¹ *Горелов И.П. Полиция и общество: взаимодействие в сфере реализации правоохранительной функции государства // Российская полиция: три века служения Отечеству [Электронный ресурс]: материалы юбилейной международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции. Санкт-Петербург, 23–25 апреля 2018 г. / под ред. Н.С. Нижник. Электронные дан. (19,6 Мб). СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. С. 1331.*

го и пропорционального применения репрессий. Только в тесном взаимодействии они смогут побороть основные причины преступности, а не фиксировать уже свершившиеся противоправные факты.

Introduction

As modern researchers note, almost from the moment of the formation of police and legal theory, the relationship between the authorities, the society and the individual were central in defining the functions of the police and the essence of their activities. Since the rights of citizens can easily be violated by means of coercion, many Russian police scientists evaluated them only as a last resort from the police arsenal, and in the administration overall. In our opinion, the problems of determining the role of the police in the use of coercive measures, which are fundamental in the relationship between the government, society and the individual, in the last third of the 19th – early 20th century, received sufficient development in the studies of Russian scientists N.N. Belyavsky, V.F. Levitsky, A.E. Nazimov, A.S. Okolsky, M.N. Palibin, Ya.S. Stepanov, O.O. Eichelman, I.I. Yanzhul and others.¹ This tradition was also carried on nowadays. Based on the research of the professor of Imperial Moscow University I.T. Tarasov,² the contemporary researcher Professor N.S. Nizhnik believes that police coercion was the most important characteristic of relations between the state and the society, “speaking as the basis for dividing the executive power into the administration, which is characterized by positive activities (management of in-

¹ N.N. Belyavsky, *Police law. Lecture notes N.N. Belyavsky, Professor at the University of Yuryev* (Yuryev: Tipografiya K. Mattisena, 1904); V.F. Levitsky, *Lectures on police law, delivered in the 1901/1902 school year* (Kharkiv: Tipo-litografiya S. Ivanchenko, 1902); A.E. Nazimov, *Lectures on police law, delivered by Professor A.E. Nazimov at Imperial Novorossiysk University*, ed. B.F. Lemesh-Lemeshinsky (Odessa: Tipografiya i khromo-litografiya A.F. Sokolovskogo, 1903); A.S. Okolsky, On the concept of police law, in *Warsaw University News*, vol. VI (1894), 1–22; M.N. Palibin, *A Repeated Course of the Police Law* (St Petersburg: N.K. Martynov, 1900); Ya.S. Stepanov, *The first two periods of the independent existence of the police science in Germany: A study written to obtain the degree of the doctor of police law J. Stepanov* (Kazan: Universitetskaya tipografiya, 1869); O.O. Eichelman, *Russian police law. A summary of the lectures delivered to students of the law faculty of Imperial University of Saint Vladimir in the 1898–99 academic year by Professor O.O. Eichelman* (Kiev: Tipografiya gazety “Kievskoe slovo”, 1898); I.I. Yanzhul, *Police law course of professor in ordinary Ivan Ivanovich Yanzhul: 1885/1886* (Moscow: Litografiya Zelenkova, 1886).

² I.T. Tarasov, *An Essay on the Science of Police Law. A handbook for preparation for the lectures and the exam* (Moscow: Tovarishchestvo “Pechatnya S.P. Yakovleva”, 1897), 115.

dustry, commerce, finance, public education, etc.) and the police inherent in negative activities (activities involving coercion)".³ A similar position is expressed by foreign experts.⁴

In modern socio-legal studies, the term 'society' is increasingly being replaced by 'civil society', although it has not been clearly defined, in our opinion. We regularly hear about the importance of a constructive dialogue between the state and a civil society, but, as noted by V.A. Rudkovsky, at the same time, "the task of forming a civil society in this country is also persistently set, that is, a civil society seems to be there, and we must cooperate with it, but at the same time, it is only to be created".⁵ And that is the views diverge. Thus, V.S. Nersesyants evaluates the civil society in the form of a non-political community of individuals.⁶ Indirectly supporting him, E.A. Lukasheva believes that 'distancing' civil society from the state is the norm, whilst T.A. Alekseeva insists that they should not be opposed, but rather integrated.⁷

For an unambiguous perception of the used definitions, it seems appropriate to clarify that in this brief study, the term 'society' means not only the totality of individuals permanently residing in a state, but also the system of political parties and public organizations under existing socio-economic conditions at a specific stage of development of the said state. It should be recognized that the existing relationships within the police department, as well as personal relationships between the security forces and, in general, government agencies, are also an integral part of public relations. Since each of these social groups often has its own pronounced specificity, within a small article it is possible to limit oneself to only a general overview reflecting the most established trends.

Proceeding from this, we will a priori consider the presence of significant differentiation of social groups according to educational, property, professional, national

³ N.S. Nizhnik, "The relationship of power, society and personality as a subject of police law theory", *Russian police: Three centuries of service to the Fatherland* [Electronic resource]: Materials of the anniversary international scientific conference dedicated to the 300th anniversary of the Russian police. St Petersburg, 23–25th April 2018. Electronic data (19,6 Mb) (St Petersburg: Sankt-Peterburgskii universitet MVD Rossii, 2018), 242.

⁴ I. Iturralde Blanco, "Policías comunitarias del distrito Mixe: entre la resistencia y la oficialidad", *I Congreso Internacional 'Pueblos indígenas de América Latina, siglos XIX–XXI'* (Oaxaca, 2013), 123; M. Raeff, "Russia's Autocracy and Paradoxes of Modernization", in *Political Ideas and Institutions of Imperial Russia* (Boulder, Colorado: Westview Press, 1994), 116–24.

⁵ P.V. Anisimova and V.A. Rudkovskii, eds. *The right as a value and means of state management of the society: A collection of scientific works*, issue 8 (Volgograd: Volgogradskiy universitet MVD Rossii, 2011), 167.

⁶ V.S. Nersesyants. *General Theory of Law and the State* (Moscow: Norma: INFRA-M, 2001), 285.

⁷ N.S. Seregin and N.N. Shul'gin, "Civil society, the rightful state and the law ('Round Table' of the journals 'State and Law' and 'Questions of Philosophy')", *State and Law*, no. 1 (2002), 22–23.

and class estates in the bourgeois-monarchical Russian Empire of the beginning of the 20th century. However, their detailed consideration would only be possible within the framework of a much more extensive study. Here, we should limit ourselves to an assessment of the most characteristic features of the relationship between the society and the police. It goes without saying, it would be a mistake to broaden the police officers beyond the members of the society. Consequently, the presentation of linear schemes with single-level relationships can only reveal the most general characteristics of the system. In general, the problem deserves attention of the researchers not only within the framework of the national history, the history of state and law, but also within a few applied scientific disciplines.

Main body

The police did not immediately become a state institution, because “it was the civil society, and not the state that initially formed its functions and tasks”⁸ facing it. Contrary to the founders of Marxism in several positions, it is still difficult not to agree with them that “the state serves as the binding force of a civilized society.”⁹ Describing its role in the socio-political conditions of the beginning of the 20th century, one can admit that the state was aiming at serving the interests of the ruling classes, whilst for the rest of the population, it was a mechanism for suppressing the “oppressed, exploited class”.¹⁰

Thus, specifying this topic, Friedrich Engels stated: “The most pathetic police officer of a civilized state has more ‘authority’ than all the organs of the clan society, taken together; but the most powerful monarch and the greatest statesman or commander of the civilization epoch could envy him, not under the lash, the acquired and indisputable respect that is given to the most insignificant elder”.¹¹ Thus, albeit indirectly, this phrase determines the place of the policeman in the hierarchy of civil servants almost at the very social bottom. Nevertheless, the policeman still possessed the real strength, power and authority that his service guaranteed for the good of the state.

The social status of police officers left an imprint on the choice of spouses. In a study by Jonathan Daly, it is noted that about half of the officers at the Moscow provincial gendarme department chose wives from families of personal nobles, about a quarter from families of hereditary nobles, 17 % from wealthy merchants and the rest

⁸ O.V. Semenova, “Civil society and the state: Specificity of interrelation and interaction”, in *State and law: Evolution, current state, development prospects (towards the 300th anniversary of the Russian police): Materials of the international scientific-theoretical conference*, vol. I. (St Petersburg: Sankt-Peterburgskii universitet MVD Rossii, 2016), 136.

⁹ F. Engels, “The origin of the family, private property and the state”, in *Marx K., Engels F. Coll. Works*, vol. 21. (Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1961), 175.

¹⁰ F. Engels, *The origin of the family*, 176.

¹¹ F. Engels, *The origin of the family*, 171.

– from the families of clergy and *raznochintsy*.¹² That is, the commoners in their family circle were not allowed. A different picture appears in relation to the ranks of the general police. Both themselves and their ‘ladies of the heart’ often came from the ranks of burghers, peasants and hired workers. This left a double imprint on the relations with representatives of the society. On the one hand, the ‘umbilical cord, which connected them with the commoners, still made itself felt. On the other hand, quite often these people became the most violent executors in relation to those segments of the population from which they emerged.

In the broad popular masses, the cautious attitude towards representatives of the police power, especially from its lower echelon, had long been formed from childhood. Not always it was wicked or deliberately done. Even today, often a capricious child is traditionally frightened by the fact that they will give it to the ‘uncle of the police’. Under the conditions of the beginning of the last century, the situation had come about, noted in journalistic publications: “For the younger guys, there is no worse enemy than a policeman, who constantly interferes with their fun and entertainment, even if they are not safe and unpleasant for other people”.¹³ It is proved that bright children's impressions are indirectly transferred to the thoughts and actions of a mature person. Thus, a whole range of impressions, often associated with fear or resentment, accumulate and persist for a long time.

It is no secret that the level of income largely determines the nature of a person's relationship with their environment. In this regard, the police had nothing to boast about. Even the oppositional-minded journalists noted that the ridicule and rudeness against the police were possible because the conditions under which it operated were unknown to the majority. For many, it was a revelation that the living standards of the lower police ranks corresponded to the poorest citizens.¹⁴ Even in the capital, because of the low monetary allowance for the policemen, “there was always a lack of their number”.¹⁵

The accelerated development of social relations in the Russian Empire at the beginning of the 20th century was caused by a change in the system of economic and social relations. This generated a whole range of issues related to the reorganization of the police. They found relevance in connection with the growth of the socio-political activity of the population and transition of the society to the industrial type of development. All this made people think about the directions and prospects of how

¹² J.W. Daly, *Autocracy under siege: Security police and opposition in Russia, 1866–1905* (Dekalb: Northern Illinois University Press, 1998), 55.

¹³ *Police Herald*, no. 3 (1907), 9.

¹⁴ See: “Police and hooliganism”, *Voice of the North*, Arkhangelsk, September 20, 1906.

¹⁵ A.A. Kuz'min, “Labor routine of the lower ranks of the St Petersburg police in the late 19th – early 20th century”, *Bulletin of Orenburg State Pedagogical University*. URL: <http://www.vestospu.ru>. 2016. No. 3 (19). P. 99. (date of access: 15.09.2018).

to reform the law enforcement in general, however the inertia in making the decisions was still great.

It is obvious that if the work is paid poorly, this causes a negative reaction among the citizens, and in addition still implies a high physical and moral stress, and there would not be many who would want to do it. This was confirmed by the practices and evaluations of the members of public.¹⁶ As noted by the leadership of the Moscow police investigation, the lower layers of this department were usually perceived as rude, poorly educated and ill-mannered people.¹⁷ Moscow mayor A.A. Reinboth was sure that his subordinates “did not have any prior training either, since the reserve existed only nominally, and they didn’t learn anything at all ... The very composition of the policemen was totally unsatisfactory”.¹⁸ The situation of the provincial institutions was altogether sad.

It was possible to achieve real positive results only thanks to the initiative of individual leaders who were able to connect the efforts of the local community. As an example, the campaign to collect donations for the needs of the wounded or dead police officers had become widespread. Wealthy citizens, such as Prince Golitsyn*, businessmen Kolesnikov, Deryuzhinsky, who regularly allocated very significant sums of money “for the maintenance of the shelter for the elderly and disabled men in the police”.¹⁹

Middle and senior commanders usually had the opportunity to provide for themselves. However, this was not always achieved quite legally. Corruption was spreading everywhere, and the quality of performance by the constabulary of their duties was decreasing. “Most of the owners of trading and pubs, taverns, etc., did not see anything criminal in the offerings to the police. In their eyes, it was considered a normal tradition, consecrated over the centuries – “how our fathers gave and how they will slip money after they are gone...”²⁰

This was fought against, however without a clear system, only in the form of separate campaigns. In the end, the results were mixed. As an example, in Moscow at the beginning of the First Russian Revolution, there was a wave of dismissals of police leaders. For example, Major General Baron Budberg, being an assistant mayor, could not hold his office not because he “used the extreme dislike of the inhabitants for being rude”, however due to the extreme manifestations of “material incorrectness”.²¹

¹⁶ “Police and hooliganism”, *Voice of the North*, Arkhangelsk, September 20, 1906.

¹⁷ See: I.D. Putilin, *Notes of the chief of the St Petersburg investigation* (Moscow: EKSMO-Press, 2001), 327.

¹⁸ Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA) f. 1363, op. 10, d. 145, l. 2.

* The author of article does not specify what of princes Golitsyn means (note of the editor).

¹⁹ RGIA f. 1363, op. 10, d. 137. ll. 1–34.

²⁰ A.A. Kuz'min. *Labor routine of the lower ranks*, 99.

²¹ RGIA f. 1363, op. 10, d. 145, d. 145, ll. 1, 6.

For the same reasons, two more police officers were dismissed, and Colonel Arshev was directly dismissed for bribery.

There is evidence, the practice of using the official position for personal interests has also affected the top management of the police. It is considered that, "P.N. Durnovo was dismissed from the post of director of the police department because he used secret agents to monitor his mistress. To confirm the fact of her treason, a dignitary's assistant stole a love correspondence from the Brazilian embassy. According to K.D. Kafafov, it was persistently rumored that, leaving his post, P.N. Durnovo grabbed with him 75 thousand rubles, intended for covert agents. However, he was later appointed Minister of the Interior. After being dismissed from this position, they removed the state-owned furniture from the service apartment.²² Since a loud scandal would be on hand to ill-wishers of the police, they did not punish him, but instead supported him with a materially sound severance pay.

The everyday life confirmed that the "society developed a special incorrect view of the functions of the police, reaching antagonism and complete disdain for the latter. When police rank against the criminals ... the population often goes to the aid of the criminals or, at best, remains indifferent ...".²³ Incidentally, even today, it is not rare that a case-hardened delinquent, from whom the police are asked to protect the society, having been sent to prison, becomes humiliated and offended in the eyes of some citizens, deserving more mercy than people who have suffered from it. This paradox is more characteristic of Russian society than that of Western Europe, America or Asia.

In the relations of the population with the ranks of the 'political' police, one could trace its own specificity, which cannot be characterized straightforwardly.²⁴ In external manifestations, the signs of attention and respect were more often recorded towards its representatives, however often the reason for these was a barely concealed fear. The irreproachable image of gendarme officers was emphasized, nevertheless, often assumed the skillfully concealed negative human qualities. The basis for such unflattering expectations were the forms of work they used: encouraging informing, perusal, punishing the innocent, provocation ... "Everything, all and everything was subject to the incessant eyes of the secret police: cooperatives, schools, theatres, patronage of the poor, and the State Duma, newspapers, zemstvo, labor and idleness".²⁵ This had annoying and repulsive effects on significant part of the fellow citizens.

²² Cit. ex: Yu.A. Reent, *The police system of the Russian Empire at the beginning of the 20th century (1900–1917)* (PhD diss. Lomonosov Moscow State University, 2002), 325.

²³ *The history of the internal affairs of pre-revolutionary Russia* (Moscow: Politizdat, 1984), 78.

²⁴ M. La Porte, *Histoire del'okhrana: La police secrete des tsars. 1880–1917* (Paris: Payot, 1935).

²⁵ V.Ya. Iretsky, *Security guard. A page of Russian history* (Petrograd: Novaya Rossiya, 1917), 3–4.

Nevertheless, it is not worthwhile to render absolute the negative aspects of the work of the 'secret police' and gendarmes. Most interested to present them as some sort of monsters were the people who would pose a serious threat to the state and society. Colleagues estimated them absolutely differently. Thus, according to V.I. Gurko (Assistant Minister of Interior in 1906), only thanks to the merciless persecution of revolutionaries, the Minister of the Interior P.N. Durnovo stopped the arbitrariness and restored order in the country²⁶, and S.E. Kryzhanovsky (Assistant Minister of the Interior since 1906 until 1911) was generally convinced that Peter Nikolaevich managed to save Russia from another revolution.²⁷

There is a good reason that they say: how many people – so many characters and opinions. To a large extent, their personal characteristics were imprinted on the relationship between the population and the police officers. Often, they were negative. This was largely predetermined by the conditions of service for the police officers. The level of criminalization of the society increased significantly, which complicated the nature of the individual interactions between the citizens and the ministers in the law enforcement system overall. There were also some general trends. Being an ideological opponent of the existing state-political system, V.I. Lenin particularly focused on the fact that “an unlawful and savage beating in the police took place in the Russian Empire – without exaggeration, one can say daily, hourly. And it reaches the court in exceptional and extremely rare cases ..., for it is the very police who are the criminals and who are entrusted with solving the crimes in Russia”.²⁸

It is obvious that, 'turning a blind eye' to the facts expressed by him would contradict the truth and morality. One can imagine how citizens should regard the incident that took place in Pyatigorsk in 1906. The crowded mourning procession left after the funeral from the cemetery, and the Cossacks took them for demonstrators and began to beat them with butts.²⁹ A similar story happened in the capital. On 18th March 1915, the authorities of the St Petersburg police were reported on the beginning of the manifestation of students. The captain of the Mounted Police, Depp did not delve into the details and began to crush the crowd at full gallop.³⁰ The demonstrators were knocked down, and some of them were injured. Later, during the investigation, it turned out that the people, inspired by patriotic feelings, were going to come up with loyal slogans about the war against Austria-Hungary. Or there was another fact. A gendarme non-commissioned officer at the Orekhovo station of the

²⁶ V.I. Gurko, *Features and Figures of the Past: Government and Opinion in the Reign of Nicholas II* (Stanford: Stanford University Press; London: Oxford University Press, 1939), 7.

²⁷ *Memoirs: from the papers of S.E. Kryzhanovsky, the last State Secretary of the Russian Empire*, ed. by A.V. Likhomanov (St Peterburg: Rossiiskaya natsional'naya biblioteka, 2009), 87.

²⁸ V.I. Lenin, “Beat, but not to death”, in V.I. Lenin. *Complete Works*, vol. 4 (Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1967), 412–13.

²⁹ RGIA f. 1278, op. 1, d. 349, l. 1.

³⁰ Gosudarstvennyi Arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF) f. 270, op. 1, d. 46, ll. 22–23.

Moscow Railway arrested, as it seemed to him, a citizen who was at odds with him. Later it turned out that the gendarme was drunk, and the arrested citizen was acting as a switchman.³¹ Only by luck, no train derailment occurred.

In the view of ordinary people, the police leadership often stood, as it were, over such miscalculations and abuses, being implicated in this only indirectly. However, by no means always. It is possible to cite as an example the memories of Colonel Modle, who held the position of assistant to the Moscow mayor. The traditionally rude, and sometimes even cruel treatment of a police officer with the citizens gave rise to outright hostility towards him. As an example, let us cite the events connected with the grand opening of the monument to General M.D. Skobelev in 1912. After the officials had departed, the assistant to the mayor loudly commanded the horsemen of the city “To drive this bastard, otherwise she would break the wreaths,” roughly displacing those present from the square.³² Obviously, this did not add to the love of the population for the police. In Yalta, in February 1907, General Dumbadze for attempting to assassinate him from the house where the shot was heard, ordered to burn it along with all the property of its inhabitants.³³ In Tiflis, in October 1905, an unknown person threw a bomb at the police chief from the window of a noble gymnasium. The Cossacks together with the police, burst into the building and started a massacre. People were beaten, several gymnasium workers were wounded, and one was shot dead. To make it clear, those people had nothing to do with the attack.³⁴ Probably, those actions were allowed due to thoughtlessness or to ‘a state of temporary insanity’, however a heavy mark remains in people's memory.

It is not surprising that the population often poured their dissatisfaction with their living conditions on the police officials who turned up by chance. It should be noted that the obvious contrasts were observed in the attitude of the population towards them. In several cases, their benefits and the need for society were actively recognized. However, often the nature of these attitudes and evaluations seriously changed. The reasons could be the most trivial. As an example, we will cite the event described in the Police Department Circular No. 48538 of 22nd July 1913. During the days of the Nizhny Novgorod fair, a group of drunk men began to riot. The reason was the order to close the pubs and the wine shops. The instigator of the riots was arrested, which led to a massive attack on the police. The arrested person was released by force. The warriors, trying to fend off the crowd, fired into the air, but the situation only became tense. Only when three people were injured, they managed to take control of the situation.

³¹ Gosudarstvennyi Arkhiv Nizhegorodskoi oblasti (GANO) f. 996, op. 1, d. 59, l. 19.

³² GARF f. 270, op. 1, d. 129, l. 2.

³³ See: *Ivan Antonovich Dumbadze*. URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_d/dumbadze_ia.php (date of access: 16.06.2018).

³⁴ GARF f. 270, op. 1, d. 351, l. 2.

The findings contained in the circular boiled down to the fact that it was inadmissible for the police to act like that. However, how should they? The personnel were subjected to scathing criticism for not enough harsh treatment of the population. On the contrary, the police officials warned that it was necessary not to “flee from the crowd”, but to shoot at the attackers to defeat. Those who did not get it clear, were promised to be dismissed.³⁵ In our opinion, the hooligans must have been held liable. However, to shoot them without charge and trial? This would be a controversial position, at least.

It is not excluded that the reason for such stringent requirements was the understanding that the society clearly did not like the police. However, to respond to evil with evil means only to increase the mutual hostility. Then how should the police treat the population? One can offer quite a lot of behavioral patterns, however let us dwell upon two of them. First, it would be necessary to act based on the requirements of laws, instructions and other regulatory acts. Well, in case of unforeseen circumstances, individual approaches could be allowed. It is important to note that these options were often mutually exclusive.

The first model of the attitude of the police officers towards the population was expected; it assumed a normative behavior that seemed idealized, and therefore not always realizable in practice. The discussion of the fixed behavioral schemes of police officials with the citizens and public organizations was conducted both in the capital and locally. The law enforcement officers pledged to “treat suspects and all people in general ... calmly, politely and patiently, not at all allowing themselves ... to resort to any violent actions or threats to confess to the crime or to obtain the required information”.³⁶

Many police officers not only understood the importance of their own exemplary behavior in the public places, but also tried to spread this understanding to those around them. Thus, a simple Ryazan captain-police officer instructed his subordinates and members of the public, arguing that any citizen in relations with them “should hear a healthy confident voice from the authorities close to where he lives and who he used to trust. The local authorities should stand close, talk to people at all times and during all gatherings ...”.³⁷ In turn, the Nizhny Novgorod Governor A.F. Gears stressed that “the police should be fair and legitimate because, by allowing for arbitrariness ..., it would itself be the culprit of the discontent inevitable in this case”.³⁸

³⁵ GANO f. 342, op. 1, d. 4170, l. 32.

³⁶ Cit. ex: A.V. Petrov and V.Yu. Devyatov, “Police and society in the Russian Empire at the beginning of the 20th century”, *Bulletin of South Ural State University*. Series: Law, no. 40, (2011), 23.

³⁷ I.F. Perov and M.V. Kuznetsov, *Police of the Ryazan province* (Ryazan: Uzoroch'e, 2002), 173.

³⁸ *Journal of the meeting of district guardsmen of the Nizhny Novgorod province dedicated to police service issues* (N. Novgorod: Tipografiya gubernskogo pravleniya, 1916), 2.

However, the formulated wishes are to be supported by the appropriate conditions and factual actions. For this, at the very least, purposeful educational and profession-oriented work with personnel should be carried out, and this trend, as already noted, had been weakened in the police. In our opinion, the publication in 1915 of the 'Primer of the Modern Policeman' had a positive meaning. It included 60 subsections, each of which informed the readers on the required order and the nature of police actions in various domestic and office situations. The main part of the recommendations can be attributed to the area of proper relations between the police and the public.

In the scientific literature, there are examples of analyzing the content of this document. In terms of behavioral norms, much is useful and relevant for today. Thus, Article 27.2 obliged the policemen in the Russian Empire "to treat the public politely and respectfully, trying to answer all their questions as accurately and clearly as possible, always expressing their readiness to provide any legal assistance".³⁹ Article 41 dealt with preliminary investigation and drawing up protocols. When investigating incidents and crimes, the testimony of all witnesses and participants was ordered to be listened to carefully and benevolently. It was not recommended to detain witnesses and spectators – "it would discourage to assist the police ...". There were many other useful recommendations. The general tonality of the document was to ensure that any employee of the administration "was responsible for the honor of the police uniform and for the legality of police actions".⁴⁰

The second model of the attitude of police officers to the population was more vital. It depended on various circumstances, however to the greatest extent – to which part of the society certain citizens belonged to. The social stratification had always influenced the nature of the activities of the law enforcement agencies, and across the Russian Empire in particular. However, with the highs and mightiest, the police most often showed the behavior envisaged by the regulatory documents. The desire to please came not so much from the official zeal, but rather from the awareness of their own, even if not so explicitly expressed, dependence on them.

However, it should not be assumed that the punitive powers of the police affected only the ordinary people. In matters of identifying political loyalty, exceptions were not made to anyone. As an example, we can consider the organization of perusal, that is, a secret acquaintance with the contents of private correspondence. In 1913, the Police Department monitored the correspondence of deputies of the State Duma Petrovsky, Tulyakov, Khaustov, Shagov, Mankov, Muranov and Malinovsky.⁴¹ Formally, it was a wrongful act, but in fact only the royal family and the Minister of the

³⁹ Cit. ex: V.M. Kukushkin, *Your Professional Ethics* (Moscow: Kodeks: Ob"edinennaya redaktsiya MVD RF, 1994), 21.

⁴⁰ Cit. ex: Yu.A. Reent, *The police system of the Russian Empire*, 331.

⁴¹ Z.I. Peregudova, *Political Investigation of Russia (1880–1917)* (Moscow: ROSSPEN, 2000), 284.

Interior were protected from perusal. The secret reporting of the Police Department recorded about 380 thousand letters opened every year.⁴² Representatives of banned political formations, suspecting surveillance, actively used encryption. The police, in turn, identifying the participants of such groups, tried to find out all the necessary information from them using the 'carrot and stick' approach. Police officers are often forced to communicate with the least deserving members of the society. To a large extent, this is reflected in their worldview and behavior. Moral deformations or what is called professional burnout often occur. To the most dangerous consequences of this refer the loss of moral guidelines needed in their work. At first, this may manifest itself in the creation of indulgences and household privileges unforeseen by the laws. Thus, for example, it happened to an employee of the gendarme police department on the railroad, who accepted a passenger's loss of baggage claim, but then was just too lazy to interview the witnesses, as well as to conduct other investigative actions. Thus, such matter would have traditionally been 'put on the back burner', had the victim not asked for help from the senior management.⁴³ As another example, let us consider the behavior of an assistant chief of the Kaluga Gendarme Department, captain Mr. Budogosov. Upon moving to a new duty station, he took with him his personal chef, whom he immediately registered as a 'police spy' with the corresponding payment of inappropriate labor.⁴⁴

The preceding material is basically devoted to assessing the relationship of the police with a relatively law-abiding part of the population. Other schemes of mutual behavior evolved with representatives of the criminal world. Not only unimportant towns, but even Petersburg and Moscow were divided by the criminals into spheres of their influence. Their struggle for leadership had a negative, and sometimes tragic, effect on the ordinary citizens. To the credit of the police authorities, it should be noted that it was they who eventually became the undisputed winners, and the gangsters were awaiting a custodial sentence or hard labor in exile. However, without pressure from the leadership, as it seemed to the contemporaries, the police officers who worked 'under the sun' still tried not to show so much zeal.⁴⁵

We shall not forget about such a kind of attitude of citizens to the police as the use of their employees other than as intended, but rather to 'annoy' their neighbors, colleagues, demonstrate their influence, etc. A significant part of the unproductive work of the police, especially political, was the investigation of statements containing slander. Often, the ranks that made the inquiry quickly realized that they were working on cases for innocent citizens, but they were also not allowed to drop the cases on

⁴² Z.I. Peregudova, *Political Investigation of Russia*, 279.

⁴³ GANO f. 996, op. 1, d. 59, l. 13.

⁴⁴ GARF f. 280, op. 3, d. 5057, l. 6.

⁴⁵ V. Gilyarovsky, *Moscow and Muscovites* (Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1981), 18.

their own accord. In fact, the police spent a lot of time and effort on useless and even harmful investigations, whereas the important law enforcement efforts remained unfinished.⁴⁶

Trying to regulate this issue, the Police Department in one of its circulars was forced to recommend officially, “when the facts of the crime were not confirmed by anything except a slander, or even if they had doubts in fact, the circumstances indicated ... whether to start an inquiry.”⁴⁷ It is curious that false accusations were often made against the police officers themselves.⁴⁸ Unfortunately, it is not without reason that the idea suggests itself that the ‘viruses’ of criminal rebellion and civil war in society are indestructible. The police are meant to prevent creating favorable conditions for them, and its immutable goal is to protect the society from disastrous consequences.

Conclusion

Whilst protecting the state and the highest strata of society from the common people, the police officers felt mistrust and dislike in both. The representatives of the upper classes considered it below their dignity to communicate with them needlessly. As for the ordinary people, they did not want to forgive them for serving the common oppressors, but even more so for abuses and personal oppression. Special attention should be paid to the phenomenon of the relationship between the society and the political police, which was widely discussed even outside Russia both in the columns of newspapers⁴⁹ and in the reputable publicist editions.⁵⁰ The fight against crime was evaluated by all as a necessary element of the activities. The justification of the struggle with the people, with those who tried to instill the European standards of social relations, was questionable. In turn, in most regions, this contributed to the failure of police personnel to actively resist the decision of the Provisional Government to eliminate the old police mechanism.

⁴⁶ Ch. Ruud and S. Stepanov, *Fontanka, 16. The Tsar's secret police* (Monreal: McGill-Queen's University Press, 2002), 108.

⁴⁷ S.V. Savitsky, *A systematic collection of circulars of the Police Department and the Headquarters of the Separate gendarmes' corps relating to the duties of the Investigation Corps' officials* (St Petersburg: Tipografiya Shtaba Otdel'nogo korpusa zhandarmov, 1908), 27.

⁴⁸ See: GARF f. 280, op. 1, d. 3061, l. 26.

⁴⁹ “Encore la Police Russe”, *Le Matin*, Paris, Juin 29, 1913; “Police et contre-police russes”, *Le Matin*, Paris, Juillet 1, 1913; “Zuffa tra italiani per stranieri relazione: sulla polizia segreta russe”, *Corriere della sera*, Roma, Giun 29, 1913.

⁵⁰ V.I. Gurko, *Features and Figures of the Past: Government and Opinion in the Reign of Nicholas II* (Stanford: Stanford University Press; London: Oxford University Press, 1939); Th. Riha, *A Russian European: Paul Miliukov in Russian Politics* (London; Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1969); A.T. Vassilyev, *The Okhrana: The Russian Secret Police* (London: J. B. Lippincott Company, 1930).

In general, it can be stated that today, the relationship between the police and the society includes both traditionally preserved forms and the new ones, generated by the evolutionary development of the mankind. In either case, there are strengths and obvious mistakes and abuses. Since the events described in the article, a century has passed, however, corruption, coercive mechanisms to secure power, the characteristics of socio-economic instability, even though they have changed in many ways, have not disappeared, and perhaps even increased in the process of globalization.

However, if earlier, as the researchers note, the most important purpose of the police was “law enforcement, involving fight against crime and a prompt response to the current situation in this area, as well as the actions of individual criminals”, then the changes in the qualitative characteristics of the state and the society that occur today suggest reorientation in the activities of the police from controlling the actions of the citizens to serving their requests ... This increases the confidence of the citizens in the police and the legitimacy of the authorities on the whole ⁵¹. In other words, the work of the police should equally be consistent with the needs of not only the governing political structures, but also the society, based on the principle of minimal and proportionate use of repression. Only in close cooperation, will they be able to overcome the main causes of crime and not just to record the illegal facts that have already happened.

Литература

Белявский Н.Н. Полицейское право. Конспект лекций Н.Н. Белявского, профессора Юрьевского университета. Юрьев: Типография К. Маттисена, 1904. 334 с.

Горелов И.П. Полиция и общество: взаимодействие в сфере реализации правоохранительной функции государства // Российская полиция: три века служения Отечеству [Электронный ресурс]: Материалы юбилейной международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции. Санкт-Петербург, 23–25 апреля 2018 г. / под ред. Н.С. Нижник. Электронные дан. (19,6 Мб). СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. С. 1330–1334.

Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции): материалы международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 28 апреля 2016 г. Т. II. / под ред. Н.С. Нижник. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2016. 390 с.

Журнал совещания уездных исправников Нижегородской губернии по вопросам полицейской службы. Н. Новгород: Типография губернского правления, 1916. 71 с.

Ирецкий В.Я. Охранка. Страница русской истории. Петроград: Новая Россия, 1917. 28 с.

История органов внутренних дел дореволюционной России. М.: Политиздат, 1984. 158 с.

⁵¹ I.P. Gorelov, “Police and society: Interaction in the implementation of the law enforcement function of the state”, *Russian police: Three centuries of service to the Fatherland* [Electronic resource]: Materials of the jubilee international scientific conference dedicated to the 300th anniversary of the Russian police. Electronic data (19,6 Mb) (St Petersburg: Sankt-Peterburgskii universitet MVD Rossii, 2018), 1331.

Кузьмин А.А. Трудовая повседневность нижних чинов полиции Санкт-Петербурга в конце XIX – начале XX века // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2016. № 3 (19). С. 93–102. URL: <http://www.vestospu.ru> (дата обращения: 15.09.2018).

Кукушкин В.М. Твоя профессиональная этика. М.: Кодекс: Объединенная редакция МВД РФ, 1994. 63 с.

Левитский В.Ф. Лекции по полицейскому праву, читанные в 1901/1902 учебном году. Харьков: Типо-литография С. Иванченко, 1902. 400 с.

Ленин В.И. Бей, но не до смерти // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.: Издательство политической литературы, 1967. Т. 4. С. 401–416.

Лысенко В.В. Полиция и нравственность. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт МВД России, 1996. 126 с.

Назимов А.Е. Лекции по полицейскому праву, читанные профессором А.Е. Назимовым в Новороссийском университете / под ред. Б.Ф. Лемеша-Лемешинского. Одесса: Типография и хромо-литография А. Ф. Соколовского, 1903. 211 с.

Нерсисянц В.С. Общая теория права и государства. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. 560 с.

Нижник Н.С. Взаимоотношения власти, общества и личности как предмет полицейско-правовой теории // Российская полиция: три века служения Отечеству [Электронный ресурс]: Материалы юбилейной международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции. Санкт-Петербург, 23–25 апреля 2018 г. / под ред. Н.С. Нижник. Электронные дан. (19,6 Мб). СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. С. 239–250.

Окольский А.С. О понятии полицейского права // Варшавские университетские известия. 1894. Т. VI. С. 1–22.

Палибин М.Н. Повторительный курс полицейского права: Составлен применительно к программе испытаний в Юридической комиссии по курсам проф. Андреевского, Антоновича, Бунге и др. СПб.: Н.К. Мартынов, 1900. 252 с.

Перегудова З.И. Политический сыск России (1880–1917 гг.). М.: РОССПЭН, 2000. 432 с.

Перов И.Ф., Кузнецов М.В. Полиция Рязанской губернии. Рязань: Узорочье, 2002. 259 с.

Петров А.В., Девятков В.Ю. Полиция и общество в Российской империи начала XX века // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2011. № 40. С. 21–24.

Полиция и хулиганство // Голос Севера. Архангельск. 1906. 20 сентября.

Право как ценность и средство государственного управления обществом: сборник научных трудов. Вып. 8 / под ред. П.В. Анисимова, В.А. Рудковского. Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2011. 344 с.

Преступный мир Москвы. Сборник статей / под ред. М.Н. Гернета. М.: Право и Жизнь, 1924. 246 с.

Реент Ю.А. Полицейская система Российской империи начала XX века (1900–1917 гг.): дис. ... д-ра истор. наук. МГУ им. М.В. Ломоносова, 2002. 521 с.

Российская полиция: три века служения Отечеству [Электронный ресурс]: Материалы юбилейной международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции. Санкт-Петербург, 23–25 апреля 2018 г. / под ред. Н.С. Нижник. Электронные дан. (19,6 Мб). СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. 1860 с.

Савицкий С.В. Систематический сборник циркуляров Департамента полиции и Штаба Отдельного корпуса жандармов, относящихся к обязанностям чинов Корпуса по производству дознаний. СПб.: Типография Штаба Отдельного корпуса жандармов, 1908. 308 с.

Семенова О.В. Гражданское общество и государство: специфика взаимосвязи и взаимодействия // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития

(навстречу 300-летию российской полиции): материалы международной научно-теоретической конференции. Т. I. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2016. С. 136–138.

Серегин Н.С., Шульгин Н.Н. Гражданское общество, правовое государство и право («Круглый стол» журналов «Государство и право» и «Вопросы философии») // Государство и право. 2002. № 1. С. 12–50.

Степанов Я.С. Первые два периода самостоятельного существования науки о полиции в Германии: исследование, написанное для получения степени доктора полицейского права Я. Степановым. Казань: Университетская типография, 1869. 90 с.

Тарасов И.Т. Очерк науки полицейского права. Пособие для слушания лекций и для приготовления к экзамену. М.: Товарищество «Печатня С.П. Яковлева», 1897. 702 с.

Эйхельман О.О. Русское полицейское право. Конспект лекций, читанных студентам юридического факультета Университета Св. Владимира в 1898–99 академическом году профессором О.О. Эйхельманом. Киев: Типография газеты «Киевское слово», 1898. 32 с.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 21. М.: Издательство политической литературы, 1961. С. 23–178.

Янжул И.И. Полицейское право. Курс ординарного профессора И.И. Янжула: 1885/1886 г. М.: Литография Зеленкова, 1886. 295 с.

Daly Jonathan W. Autocracy under siege: Security police and opposition in Russia, 1866–1905. Dekalb: Northern Illinois University Press, 1998. 260 p.

Daly Jonathan W. The Watchful State: Security Police and Opposition in Russia, 1906–1917. Dekalb: Northern Illinois University Press., 2004. 334 p.

Gurko V.I. Features and Figures of the Past: Government and Opinion in the Reign of Nicholas II. Stanford; London: Stanford University Press; Oxford University Press, 1939. 760 p.

Iturralde Blanco I. Policías comunitarias del distrito Mixe: entre la resistencia y la oficialidad // I Congreso Internacional “Pueblos indígenas de América Latina, siglos XIX–XXI”. Oaxaca, 2013. P. 122–134.

La Porte M. Histoire de l'Okhrana: La police secrete des tsars. 1880–1917. Paris: Payot, 1935. 312 p.

Raeff M. Russia's Autocracy and Paradoxes of Modernization // Political Ideas and Institutions of Imperial Russia. Boulder, Colorado: Westview Press. 1994. P. 116–124.

Riha Th. A Russian European: Paul Miliukov in Russian Politics. London; Notre Dame: University of Notre Dame Press. 1969. 373 p.

Ruud Ch., Stepanov S. Fontanka, 16. The Tsar's secret police. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2002. 432 p.

Vassilyev A.T. The Okhrana: The Russian Secret Police. London: J.B. Lippincott Company, 1930. 305 p.

References

Anisimov, P.V., and V.A. Rudkovskii (eds.) *Pravo kak tsennost' i sredstvo gosudarstvennogo upravleniya obshchestvom: sbornik nauchnykh trudov*. Vyp. 8 [Law as a value and means of state management of the society: A collection of scientific papers], issue 8, 344. Volgograd: Volgogradskaya akademiya MVD Rossii, 2011. (In Russian).

Belyavsky, N.N. *Politseiskoe pravo. Konspekt lektsii N.N. Belyavskogo, professora Ur'evskogo universiteta* [Police Law. Lecture notes by N.N. Belyavsky, Professor at the University of Yuryev]. Yur'ev: Tipografiya K. Mattisena, 1904. 334 p. (In Russian).

Daly Jonathan W. *Autocracy under siege: Security police and opposition in Russia, 1866–1905*. Dekalb: Northern Illinois University Press, 1998. 260 p.

Daly Jonathan W. *The Watchful State: Security Police and Opposition in Russia, 1906–1917*. Dekalb: Northern Illinois University Press, 2004. 334 p.

Eihelman, O.O. *Russkoe policeiskoe pravo. Konspekt leksii, chitannykh studentam yuridicheskogo fakul'teta Universiteta Sv. Vladimira v 1898–99 akademicheskom godu professorom O.O. Eihel'manom* [Russian police law. A summary of the lectures delivered to students of the law faculty of Imperial University of Saint Vladimir in the 1898–99 academic year by Professor O.O. Eihelman.] Kiev: Tipografiya gazety “Kievskoe slovo”, 1898. 32 p. (In Russian).

Engels, F. “Proiskhozhdenie sem'i, chastnoi sobstvennosti i gosudarstva” [The origin of the family, private property and the state]. In *Marks K., Engel's F. Sobr. soch.* [Marx K., Engels F. Coll. Works], vol. 21, 23–178. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1961. (In Russian).

Gernet, M.N. (ed.) *Prestupnyi mir Moskvy. Sbornik statei* [Gernet, M.N., ed. The criminal world of Moscow. Collection of articles]. Moscow: Pravo i Zhizn', 1924. 246 p. (In Russian).

Gorelov, I.P. “Politsiya i obshchestvo: vzaimodeistvie v sfere realizatsii pravookhranitel'noi funktsii gosudarstva” [Police and society: Interaction in the implementation of the law enforcement function of the state in Russian police]. In *Rossiiskaya politsiya: tri veka sluzheniya Otechestvu [Elektronnyi resurs]: Materialy yubileinoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 300-letiyu rossiiskoi politsii. Sankt-Peterburg, 23–25 aprelya 2018 g., pod red. N.S. Nizhnik. Elektronnye dan. (19,6 MB)* [The Russian Police: Three Centuries of Serving the Native Land [Electronic resource]: Materials of the jubilee international scientific conference dedicated to the 300th anniversary of the Russian police. St Petersburg, 23–25th April 2018], ed. by N.S. Nizhnik. Electronic data (19,6 MB), 1330–34. St Petersburg: Sankt-Peterburgskii universitet MVD Rossii, 2018. (In Russian).

Gurko V.I. *Features and Figures of the Past: Government and Opinion in the Reign of Nicholas II*. Stanford; London: Stanford University Press; Oxford University Press, 1939. 760 p.

Iretsky, V.Ya. *Okhranka. Stranitsa russkoi istorii* [Security guard. A Page of Russian History]. Petrograd: Novaya Rossiya, 1917. 28 p. (In Russian).

Istoriya organov vnutrennikh del dorevolutsionnoi Rossii [The history of the internal affairs bodies in pre-revolutionary Russia]. Moscow: Politizdat, 1984. 158 p. (In Russian).

Iturralde Blanco I. Policías comunitarias del distrito Mixe: entre la resistencia y la oficialidad // I Congreso Internacional “Pueblos indígenas de América Latina, siglos XIX–XXI”. Oaxaca, 2013. P. 122–134.

Kukushkin, V.M. *Tvoya professional'naya etika* [Your Professional Ethics]. Moscow: Kodeks: Ob'edinennaya redaktsiya MVD RF, 1994. 63 p. (In Russian).

Kuz'min, A.A. “Trudovaya povsednevnost' nizhnikh chinov politsii Sankt-Peterburga v kontse XIX – nachale XX veka” [Labor routine of the lower ranks of the St Petersburg police in the late 19th – early 20th century], *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Orenburg State Pedagogical University], no. 3(19) (2016): 93–102. URL: <http://www.vestospu.ru> (date of access: 09.15.2018). (In Russian).

La Porte M. Histoire de l'Okhrana: La police secrete des tsars. 1880–1917. Paris: Payot, 1935. 312 p.

Lenin, V.I. “Bei, no ne do smerti” [Beat, but not to death]. In *Lenin, V.I. Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works], vol. 4 (Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1967): 401–16. (In Russian).

Levitsky, V.F. *Lektsii po politseiskomu pravu, chitannye v 1901/1902 uchebnom godu* [Lectures on police law, delivered in the 1901/1902 school year.] Kharkiv: Tipografiya S. Ivanchenko, 1902. 400 p. (In Russian).

Lysenko, V.V. *Politsiya i npravstvennost'* [Police and morality]. St Petersburg: Sankt-Peterburgskii yuridicheskii institut MVD Rossii, 1996. 126 p. (In Russian).

Nazimov, A.E. *Lektsii po politseiskomu pravu, chitannye professorom A.E. Nazimovym v Novorossiiskom universitete*, pod red. B.F. Lemesha-Lemeshinskogo [Lectures on police law, delivered by Professor A.E. Nazimov at Imperial Novorossiysk University], ed. by B.F. Lemesh-Lemeshinsky. Odessa: Tipografiya i khromo-litografiya A. F. Sokolovskogo, 1903. 211 p. (In Russian).

Nersesyants, V.S. *Obshchaya teoriya prava i gosudarstva* [General Theory of Law and the State]. Moscow: Norma: INFRA-M, 2012. 560 p. (In Russian).

Nizhnik, N.S., ed., *Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya (navstrechu 300-letiyu rossiiskoi politsii): materialy mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii. Sankt-Peterburg, 28 aprelya 2016 g., T. II* [N.S. Nizhnik, ed., State and law: Evolution, current state, development prospects (towards the 300th anniversary of the Russian police): Materials of the international scientific-theoretical conference. St Petersburg, 28th April 2016], vol. II. St Petersburg: Sankt-Peterburgskii universitet MVD Rossii, 2016. 390 p. (In Russian).

Nizhnik, N.S., ed., *Rossiiskaya politsiya: tri veka sluzheniya Otechestvu: materialy yubileinoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 300-letiyu rossiiskoi policii. Sankt-Peterburg, 23–25 aprelya 2018 g.* [Nizhnik, N.S., ed., Russian police: Three centuries of service to the Fatherland: materials of the jubilee international scientific conference dedicated to the 300th anniversary of the Russian police. St Petersburg, 23–25th April 2018]. St Petersburg: Sankt-Peterburgskii universitet MVD Rossii, 2018. 1860 p. (In Russian).

Nizhnik, N.S. “Vzaimootnosheniya vlasti, obshchestva i lichnosti kak predmet politseiskopravovoi teorii” [The relationship of power, society and personality as a subject of police law theory]. In *Rossiiskaya politsiya: tri veka sluzheniya Otechestvu [Elektronnyi resurs]: Materialy yubileinoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 300-letiyu rossiiskoi politsii. Sankt-Peterburg, 23–25 aprelya 2018 g.*, pod red. N.S. Nizhnik. Elektronnye dan. (19,6 MB) [The Russian Police: Three Centuries of Serving the Native Land [Electronic resource]: Materials of the jubilee international scientific conference dedicated to the 300th anniversary of the Russian police. St Petersburg, 23–25th April 2018], ed. by N.S. Nizhnik. Electronic data (19,6 MB), 239–50. St Petersburg: Sankt-Peterburgskii universitet MVD Rossii, 2018. (In Russian).

Okol'sky, A.S. “O ponyatii politseiskogo prava” [On the concept of police law], *Varshavskie universitetskie izvestiya* [Warsaw University News], vol. VI (1894): 1–22. (In Russian).

Palibin, M.N. *Povtoritel'nyi kurs politseiskogo prava* [A Repeated Course of the Police Law]. St Petersburg: N. K. Martynov, 1900. 252 p.

Peregudova, Z.I. *Politicheskii sysk Rossii (1880–1917 gg.)* [Political Investigation of Russia (1880–1917)]. Moscow: ROSSPEN, 2000. 432 p. (In Russian).

Perov, I.F., and M.V. Kuznetsov. *Politsiya Ryazanskoi gubernii* [Police of the Ryazan Province]. Ryazan: Uzoroch'e, 2002. 259 p. (In Russian).

Petrov, A.V., and V.Yu. Devyatov. “Politsiya i obshchestvo v Rossiiskoi imperii nachala XX veka” [Police and society in the Russian Empire at the beginning of the 20th century], *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo* [Bulletin of South Ural State University. Series: Law], no. 40 (2011): 21–24. (In Russian).

“Politsiya i khuliganstvo” [Police and hooliganism], *Golos Severa* [Voice of the North], Arhangel'sk, 20th September, 1906. (In Russian).

Raeff M. *Russia's Autocracy and Paradoxes of Modernization // Political Ideas and Institutions of Imperial Russia*. Boulder, Colorado: Westview Press. 1994. P. 116–124.

Reent, Yu.A. *Politseiskaya sistema Rossiiskoi imperii nachala XX veka (1900–1917 gg.)* [The police system of the Russian Empire at the beginning of the 20th century (1900–1917)]. PhD diss. Lomonosov Moscow State University, 2002. (In Russian).

Riha Th. *A Russian European: Paul Miliukov in Russian Politics*. London; Notre Dame: University of Notre Dame Press. 1969. 373 p.

Ruud Ch., Stepanov S. Fontanka, 16. The Tsar's secret police. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2002. 432 p.

Savitsky, S.V. *Sistematicheskii sbornik tsirkulyarov Departamenta politsii i Shtaba Otdel'nogo korpusa zhandarmov, otnosyashchikhsya k obyazannostyam chinov Korpusa po proizvodstvu doznanii* [A systematic collection of circulars of the Police Department and the Headquarters of the Separate gendarmes' corps relating to the duties of the Investigation Corps' officials]. St Petersburg: Tipografiya Shtaba Otdel'nogo korpusa zhandarmov, 1908. 308 p. (In Russian).

Semenova, O.V. “Grazhdanskoe obshchestvo i gosudarstvo: spetsifika vzaimosvyazi i vzaimodeistviya” [Civil society and the state: Specificity of interconnection and interaction]. In *Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya (navstrechu 300-letiyu rossiiskoi politsii): materialy mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii*. T. I [State and law: Evolution, current state, development prospects (towards the 300th anniversary of the Russian police): materials of the international scientific-theoretical conference], vol. I, 136–38. St Petersburg: Sankt-Peterburgskii universitet MVD Rossii, 2016. (In Russian).

Seregin, N.S., and N.N. Shul'gin. “Grazhdanskoe obshchestvo, pravovoe gosudarstvo i pravo (‘Kruglyi stol’ zhurnalov ‘Gosudarstvo i pravo’ i ‘Voprosy filosofii’)” [Civil society, the rightful state and the law (‘Round table’ of the journals ‘State and Law’ and ‘Questions of Philosophy’)], *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], no. 1 (2002): 12–50. (In Russian).

Stepanov, Y.S. *Pervye dva perioda samostoyatel'nogo sushchestvovaniya nauki o politsii v Germanii: issledovanie, napisannoe dlya polucheniya stepeni doktora politseiskogo prava Y.A. Stepanovym* [The first two periods of the independent existence of the police science in Germany: A study written to obtain the degree of the doctor of police law J. Stepanov]. Kazan: Universitetskaya tipografiya, 1869. 90 p. (In Russian).

Tarasov, I.T. *Ocherk nauki politseiskogo prava. Posobie dlya slushaniya lektsii i dlya prigotovleniya k ekzameni* [An Essay on the Science of Police Law. A handbook for preparation for the lectures and the exam]. Moscow: ‘Pechatnya S.P. Yakovleva’, 1897. 702 p. (In Russian).

Vassilyev A.T. *The Okhrana: The Russian Secret Police*. London: J.B. Lippincott Company, 1930. 305 p.

Yanzhul, I.I. *Politseiskoe pravo. Kurs ordinarnogo professora I.I. Yanzhula. 1885/1886* [Police law course of professor in ordinary Ivan Ivanovich Yanzhul. 1885/1886]. Moscow: Litografiya Zelenkova, 1886. 295 p. (In Russian).

Zhurnal soveshchaniya uezdnykh ispravnikov Nizhegorodskoi gubernii po voprosam politseiskoi sluzhby [Journal of the meeting of district guardsmen in the Nizhny Novgorod province dedicated to police service issues]. Nizhny Novgorod: Tipografiya gubernskogo pravleniya, 1916. 71 p. (In Russian).